

С. И. Межеричкая

<https://orcid.org/0000-0003-0511-312X>✉ mez1924@gmail.comИнститут лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖДУ ЕРЕСЬЮ И ОРТОДОКСИЕЙ: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛАТИНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ О НЕМО

Аннотация. В статье рассматриваются два случая пародийной реинтерпретации библейских текстов посредством языковой игры с отрицательным местоимением *немо* 'никто' в средневековой религиозной латинской литературе. Анализируются два сочинения второй половины XIII в.: «История Немо» французского монаха Радульфа и «Осуждение нечестивой проповеди, изданной Радульфом о некоем Немо, еретике и преступнике...», написанное Стефаном, монахом из французского монастыря Св. Георгия. Несмотря на общую технику, эти сочинения относятся к разным литературным жанрам. Так, у Радульфа в результате игрового переосмысления местоимения *немо* как имени собственного цитируемые библейские и литургические тексты приобретают новое, зачастую комическое содержание, поскольку среди канонических персонажей Священного писания появлялся некий Немо — мистическое существо, равное по своим природе, положению и могуществу Иисусу Христу и Богу Отцу. Однако Стефан расценивает сочинение Радульфа как еретическое и угрожающее христианской вере. Он называет Радульфа и его последователей членами «неминианской секты», объявляет еретиками и требует их публичного осуждения и сожжения на костре. Свое опровержение Стефан строит, с одной стороны, на основе критики предпринятой Радульфом шуточной реинтерпретации отдельных библейских цитат, а с другой — путем собственной интерпретации похожих мест с местоимением *немо*, взятых из литургических текстов, сочинений Отцов Церкви и античных писателей. В результате образ Немо приобретает в трактате Стефана резко отрицательную характеристику. Таким образом, языковая игра и интерпретация текста, лежащие в основе обоих трактатов, не только становятся приемами создания нового, пародийного богословского дискурса в средневековой латинской литературе, но и сообщают текстам — в зависимости от их направленности — различную жанровую природу, позволяющую отнести последние к либо к пародии, либо к апологии.

Ключевые слова: языковая игра, интерпретация/реинтерпретация текста, пародия, апология, Священное Писание, средневековая латинская литература, литературная традиция, карнавальная культура

Для цитирования: Межерницкая С. И. Между ересью и ортодоксией: языковая игра и интерпретация текста в средневековых латинских сочинениях о Немо // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 197–206. EDN: JYASKK.

Поступило 26 октября 2025 г.; принято 27 марта 2026 г.

Shagi / Steps. Vol. 12. No. 22. 2026
Articles

S. I. Mezheritskaya

<https://orcid.org/0000-0003-0511-312X>

✉ mez1924@gmail.com

*Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)*

BETWEEN HERESY AND ORTHODOXY: LANGUAGE PLAY AND TEXTUAL INTERPRETATION IN MEDIEVAL LATIN WRITINGS ON NEMO

Abstract. The article examines two cases of parodic reinterpretation of biblical texts through linguistic play on the negative pronoun *nemo* ‘nobody’, as reflected in medieval religious Latin literature. The author discusses two works from the second half of the 13th century: *Historia de Nemine*, attributed to a certain learned French monk named Radulph, and *Reprobatio nefandi sermonis editi per Radulphum de quodam Nemine heretico et dampnato...*, written by Stephen, a monk from the Monastery of Saint George in France. Despite the common technique, the works belong to different literary genres. Thus, in Radulph’s playful sermon, as a result of reinterpretation of the pronoun *nemo* as a proper name, the biblical and liturgical texts cited by the author unexpectedly acquire a new, often comical, meaning, since among the canonical characters of the Holy Scripture there appeared a certain Nemo — a mystical being equal in nature, status, and power to Jesus Christ and God the Father. Apart from Cardinal Caetani, Radulph also had other high-ranking patrons. However, the monk Stephen considers Radulph’s work a terrible heresy and a threat to the Christian faith. Stephen calls Radulph and his followers members of the “Neminian sect”, declares them heretics, and demands their public condemnation and burning at the stake. Stephen’s refutation of Radulph’s preaching is built, on the one hand, on criticism of Radulph’s playful reinterpretation of certain biblical passages, and, on the other hand, on his own interpretation of similar passages containing the pronoun *nemo*, taken from liturgical texts, the writings of the Church Fathers, and Classic authors. As a result, the image of Nemo acquires a sharply negative characterization in Stephen’s treatise. Thus, the language play and text interpretation underlying both treatises become not only a means of creating a

new, parodic theological discourse in medieval Latin literature, but also attribute to the texts — depending on their orientation — a different genre nature, allowing the latter to be classified either as a parody or as an encomium.

Keywords: language play, interpretation/reinterpretation of the text, parody, apologia, Holy Scripture, medieval Latin literature, literature tradition, carnival culture

To cite this article: Mezheritskaya, S. I. (2026). Between heresy and orthodoxy: Language play and textual interpretation in Medieval Latin writings on Nemo. *Shagi / Steps*, 12(2), 197–206. EDN: JYASKK. (In Russian).

Received October 26, 2025; accepted March 27, 2026

Латинские сочинения о Немо представлены в средневековой западноевропейской традиции двумя трактатами, время написания которых относится к XIII в.: это «История Немо» (*Historia Nemini*), принадлежащая авторству Радульфа, клирика из французского графства Анжу (о котором нам практически ничего не известно), и «Осуждение нечестивой проповеди, изданной Радульфом о некоем Немо, еретике и преступнике, составленное Стефаном из монастыря Святого Георгия, христианской веры защитником» (*Reprobatio nefandi sermonis editi per Radulphum de quodam Nemine heretico et dampnato, secundum Stephanum de Sancto Georgio christiane fidei defensorem*). Оба трактата восходят к средневековой латинской традиции *parodia sacra* («священной пародии»), т. е. шуточных сочинений, пародирующих текст Священного писания, которая получила широкое распространение в рамках рекреативной литературы Средневековья¹. Однако в поле зрения исследователей оба этих трактата попали лишь в конце позапрошлого столетия². Причину этого можно усмотреть, с одной стороны, в несколько маргинальном характере самой этой литературы, а с другой — в трудности атрибуции исходного текста «Истории Немо» Радульфа, сохранившегося лишь в рукописях XIV–XV вв. Значительные расхождения между этими рукописями свидетельствуют о позднейшей (и, вероятно, неоднократной) переработке этого трактата, подвергнувшегося значительным вставкам и сокращениям [Denifle 1888: 330–340].

Сочинение Радульфа, носящее откровенно шуточный характер, входит в круг других подобных произведений средневековой карнавальной культуры, представляющих, по выражению М. М. Бахтина, мир «наизнанку», когда привычный порядок вещей нарушался и все вокруг превращалось в

¹ См. об этом подробнее: [Реутин 2026b: 341].

² См.: [Wattenbach 1866; Montaignon, Rothschild 1876; Denifle 1888]; более поздняя литература: [Bayless 1958: 57–86; Fricke 1998: Delle Donne 2008].

свою противоположность: мужчины надевали женскую одежду, обычные предметы использовались не по своему назначению (например, кухонная утварь превращалась в оружие или музыкальные инструменты), вместо обычной речи звучали ругательства и т. д. Иными словами, очевидные истины и непререкаемые правила во время карнавала подвергались осмеянию или отрицанию, а негативные стороны жизни, наоборот, получали подчеркнуто положительное значение. Бахтин так характеризовал данное явление применительно к литературным текстам: «Рядом с хромотопической формой отрицания функционирует и родственная ей форма построения положительного образа путем отрицания каких-либо явлений. Это та же логика наоборот и наизнанку, но более абстрактная <...> Эта форма была чрезвычайно распространена в гротескном реализме. Самый распространенный ее вид — простая замена отрицания утверждением» [Бахтин 1965: 455–456]. Кроме всем хорошо известного сочинения Рабле, яркими примерами такой литературы могут служить, например, «Правила блаженного Либертина» — «монашеский устав», в котором разрешается все то, что обычно монахам запрещается; «Орденская песнь вагантов», построенная на отрицании запретов и ограничений; близкие к ним по содержанию поэма «Храм Венеры» Жана Лемера де Бельжа, предшественника Ронсара; «Новые правила» Кокийара и др.

«История Немо» Радульфа представляет собой, по сути, такую же «переделку», перелицовку цитат из канонических библейских и литургических текстов, основанную на языковой игре (благодаря одинарному отрицанию в латинском языке), в результате которой местоимение *nemo* 'никто' персонифицируется и трансформируется в тексте в некое мистическое существо, например: *Deum nemo vidit* («Немо видел Бога»); *qui aperit, et nemo claudet* («который отворяет, а Немо затворит»); *Nemo est qui semper vivat* («Немо — тот, кто живет вечно») и т. п. В результате такого переосмысления библейских текстов возникает образ некоего всеильного Немо, существа высшего порядка, равного по своей природе, положению и могуществу Богу Отцу и его Сыну Христу («*consubstantialem se facit Deo Patri, et in essentia precipue consimilem Filio*»)³. По мнению Стефана, монаха из монастыря Св. Георгия во Франции, написавшего «Опровержение» к проповеди Радульфа, подобное сочинение могло внушить читателю чудовищную мысль о «четверичности» Бога («*non tam trinitatem quam quaternitatem*»)⁴ и подорвать тем самым основы христианской доктрины о Пресвятой Троице.

Свою шуточную проповедь Радульф адресовал высокому церковному лицу — итальянскому кардиналу-диакону Бенедикту (Бенедетто) Гаэтани (впоследствии папа Бонифаций VIII; ок. 1235–1303), который, по всей видимости, не усмотрел в ней ничего крамольного и опасного для Католической церкви. Кроме кардинала Гаэтани, у Радульфа нашлись и другие

³ «Провозгласил единосущным Богу Отцу и по природе своей подобным Сыну» (лат.).

⁴ «Не столько троичность, сколько четверичность» (лат.).

высокие покровители — почитатели его литературного таланта: это протонотарий и логофет Сицилийского королевства Варфоломей Капуанский (1248—1328), а также известный католический священник, ученый и писатель Петр Лиможский (ок. 1240—1306). Их вместе с другими учениками и последователями Радульфа Стефан, автор упомянутого «Опровержения», называет не иначе как «неминианской сектой» (*secta neminiana*) и объявляет еретиками, требуя от собравшегося в Париже провинциального Синода во главе с Бенедиктом Гаэтани их публичного осуждения и сожжения на костре.

Трактат Стефана также адресован кардиналу Гаэтани и строится отчасти на основе разоблачения утверждений самого Радульфа путем иного толкования использованных им цитат. Таким образом, в первой части «Осуждения» Стефан довольно точно следует содержанию проповеди Радульфа, о чем он сам заявляет в начале своего сочинения:

singulas auctoritates quibus se fucare presumpsit, ut nec etiam sibi remaneat unum iota, reprobare curabimus [Denifle 1888: 341].

...мы позаботимся о том, чтобы каждое из тех утверждений, посредством коих вознамерился он себя приукрасить, опровергнуть, дабы не осталось от оных ни йоты [Межерицкая 2026: 248].

Например, обосновывая в своей проповеди изначальность существования Немо и провозглашая таким образом его равенство Богу, Радульф говорит:

Итак, блаженный Немо, совечный Богу Отцу и по сущности особо подобный Сыну, равным образом не сотворенный и не рожденный, но изошедший, упоминается в Священном Писании, в котором пророком с определенностью сказано так: «Дни были назначены, когда Немо был среди них»⁵. [Реутин 2026: 238].

Радульф использует здесь цитату из Псалтири: «Зародыш мой видели очи Твои; в твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было»⁶ (*Imperfectum meum viderunt oculi tui, et in libro tuo omnes scribentur. Dies formabuntur, et nemo in eis — Пс 138:167*). В шуточной интерпретации Радульфа эта фраза обретает новый смысл: вместо фразы «когда ни одного [дня] еще не существовало» у него получается «когда Немо уже существовал». Свое опровержение Стефан выстраивает на основании иного способа толкования той же цитаты из Псалма, при этом он не ограничивается собственным пониманием этого места, а привлекает авторитетные античные источники, выстраивая свою

⁵ *Dies formabuntur, et nemo in eis* (лат.).

⁶ Здесь и далее цитаты из Священного писания даются в синодальном переводе.

⁷ Здесь и далее латинские цитаты из сочинений Радульфа и Стефана приводятся со ссылкой на первоисточник (Вульгата).

аргументацию в четком соответствии с законами античной риторики и средневековой схоластики:

...этот самый Радульф силится доказать, будто упомянутый Немо единосущен Богу-Отцу. Ибо он говорит: «Дни были назначены, когда Немо был среди них». Итак, обрушивая это утверждение на голову самого же Немо, мы объясняем его (приводя толкование, прежде данное святыми) так, что, если деяния Троицы столь же далеки от деяний человеческих, сколь Восток далек от Запада, и ежели сходство между Творцом и творением, а равно между *чем-то* и *ничем* не может быть столь явным, чтобы превосходить несходство между ними, то верно поет сей знаменитый псалмопевец, когда говорит, что «дни были назначены, когда Немо был среди них». Ведь согласно блаженному Исидору, сочинителю «Этимологий»⁸, слово «Немо» произошло от слова «Хомо»⁹, то есть — «Не-хомо»¹⁰, каковое используется вместо «Нуллус»¹¹, поскольку «Нуллус» — это как бы «Не-уллус»¹². Стало быть, Бог пожелал, чтобы в ходе этого чудесного сотворения дней среди них пребывал Немо (а не чтобы он был наделен осуждаемой нами четверичностью), где Немо означает «Не-человек», а «Не-человек» означает «Никто», а «Никто» — это как бы «Не-некто», согласно объяснению упомянутого Исидора. А посему надо понимать так, что под этим Немо, то есть под Не-человеком, Никем, Не-неким, названный псалмопевец подразумевал, что тогда еще *ничего* не существовало, как и ныне не существует никакого воображаемого Немо [Межеричская 2026: 247–248].

Далее Радульф продолжает:

Сей (т. е. Немо. — С. М.) впоследствии заслуженно сделался столь важным лицом, что, как бы презирая земное, вознесся в дивном полете к высотам небес, как начертано: «Немо восходил на небеса»¹³. И о том же свидетельствует Господь, говоря: «Немо приходит ко Мне»¹⁴ [Реутин 2026: 238–239].

В этом месте Радульф использует две цитаты из Евангелия от Иоанна: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Nemo ascendit celum, nisi qui descendit de caelo, Filius hominis — Ин 3:13) и «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Dicit ei Iesus:

⁸ Исидор Севильский (560/570–636) — архиепископ Севильи в Вестготской Испании, последний латинский Отец Церкви, энциклопедист, автор «Этимологий» — универсального труда, систематизирующего всю сумму античного знания в соответствии с христианскими представлениями.

⁹ *Homo* (лат.) — ‘человек’.

¹⁰ *Ne-homo* (лат.) — ‘не-человек’.

¹¹ *Nullus* (лат.) — ‘никакой, никто’.

¹² *Ne-ullus* (лат.) — ‘не-некто, не-кто-то’.

¹³ *Nemo ascendit celum* (лат.).

¹⁴ *Nemo venit ad me* (лат.).

Ego sum via et veritas et vita; nemo venit ad Patrem nisi per me — Ин 14:6). Во втором случае конец цитаты у Радульфа слегка изменен: «Никто не приходит ко Мне». Стефан же вписывает эти цитаты из Евангелия, взятые у Радульфа, в более широкий контекст, добавляя к двум имеющимся еще и третью цитату в конце — из Мф 26:46, что призвано придать его аргументации больше убедительности:

...когда он говорит: «Немо восходил на небеса», мы объясняем это в таком смысле: поскольку другой непокорный дух, Люцифер, пал еще ниже — в Преисподнюю, как об этом сказано в Писании, то, чем выше подъем, тем ниже бывает падение. «Немо приходит ко Мне». Толкование: приходит, говорю, чтобы причинить вред, то есть приблизился, чтобы предать, как сказано в Писании: «Вот приблизился ко Мне предающий Меня». Ведь всякий еретик есть предатель Иуда [Межеричская 2026: 248].

В другом месте у Радульфа читаем:

Взойдя на небеса, как написано, святой Немо узрел как раз там чистое и цельное Божество и одновременно Троицу, чего никогда не мог сделать кто-либо другой, как читают: «Немо видел Бога»¹⁵. То, что сей Немо узрел Бога, удостоверяет Евангелие, где говорится: «Немо знает Отца»¹⁶, и опять-таки: «Немо знает Сына»¹⁷, и в другом месте: «Немо глаголет Духом Святым»¹⁸. Но, поскольку он Его видит, то, несомненно, беседовал с Богом и Сыном [Реутин 2026: 239].

Первое утверждение взято Радульфом из Евангелия от Иоанна: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». (Deum nemo vidit umquam; unigenitus Deus, qui est in sinum Patris, ipse enarravit — Ин 1:18): два следующих — из Евангелия от Матфея: «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Omnia mihi tradita sunt a Patre meo; et nemo novit Filium nisi Pater, neque Patrem quis novit nisi Filius et cui voluerit Filius revelare — Мф 11:27). Наконец, четвертая цитата заимствована из Первого послания Павла к коринфянам: «Поэтому объявляю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не говорит: анафема Иисус, и никто не может сказать: Господь Иисус, иначе, как Духом Святым» (Ideo notum vobis facio quod nemo in Spiritu Dei loquens dicit: Anathema Iesus!; et nemo potest dicere: Dominus Iesus, nisi in Spiritu Sancto — 1 Кор 12:3). В свою очередь, Стефан так интерпретирует эти цитаты из Священного писания:

¹⁵ Deum nemo vidit (лат.).

¹⁶ Neque Patrem quis novit [= Nemo Patrem novit] (лат.).

¹⁷ Nemo novit Filium (лат.).

¹⁸ Nemo in Spiritu Dei loquens dicit (лат.).

«Немо видел Бога». Толкование: видел, во всяком случае в алтаре, да в Таинство не уверовал, ибо еретик. «Немо знает Отца...», «Немо знает Сына...», «Немо, говорящий Духом Святым, — вы только послушайте, что за сим следует! — он говорит: Анафема, Иисус!» Толкование: стало быть, когда Немо говорит: «Анафема, Иисус!», сие означает, что он богохульствует. А коли он богохульствует при свидетелях, как же нам поступить? Вот слышите вы богохульство; что, по-вашему, следует сделать? Распять его на кресте, а лучше — сжечь на костре! [Межеричская 2026: 249].

В продолжение своего рассуждения Радульф излагает известный евангельский сюжет, подкрепляя его цитатой из следующего места из Евангелия от Иоанна: «И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его» (*Quaerebant ergo eum apprehendere, et nemo misit in illum manus, quia nondum venerat hora eius* — Ин 7:30):

Затем, возвратившись с небес, сей достойный и могущественнейший Немо воссиял и заблестал такой доблестью и благостыней, что окаянные иудеи, когда явились к Христу, чтоб его взять, не отважились напасть на Него, но только Немо, бывший с ними, схватил Его, как читают: «И Немо наложил на Него руки»¹⁹ [Рутин 2026: 239].

Однако Стефан дает всему контексту совершенно противоположное толкование:

«Немо наложил на Него руки». Толкование: добавь — нечестивые. Отсюда явствует, что этот Немо, недостойный того, чтобы его возвеличивали, не заслуживает и оправданий, коли наложил руки на Сына Божия, Каковому якобы подобен по своей природе, понеже оный — сообщник предателя Иуды. Однако его преступление гораздо тяжелее, ибо безрассудно наложил он руки на Господа Христа [Межеричская 2026: 249].

В ряде мест Стефан использует собственноручно найденные им самим цитаты из литургических текстов, сочинений Отцов Церкви и античных писателей (Горация, Сенеки, Вегеция, Августина, Иеронима и др.), которые выводят образ Немо в весьма негативном свете и характеризуют его резко отрицательно. Таким образом, Стефан использует тот же самый прием языковой игры, но в совершенно противоположных целях, например: «*Nemo contemptus in suo esse*» [Denifle 1888: 348] («Немо презираем сам по себе» [Межеричская 2026: 257]); «*Nemo in peccatis positus*» [Denifle 1888: 347] («Немо в грехах» [Межеричская 2026: 256]); «*Neminem reliquit Deus de omnibus*» [Denifle 1888: 347] («Из всех Бог покинул Немо» [Межеричская 2026: 256]) и т. п. По тону и характеру рассуждения Стефана можно заключить, что в Радульфе он видит не просто «остроумного сочинителя» (*subtilitatis inventor*), но и опасного преступника и еретика, который,

¹⁹ *Nemo misit in illum manus* (лат.).

слабо разбираясь в положениях и догмах христианской религии, за деньги и подарки получил от церковных людей коллекцию соответствующих отрывков из Библии и из других источников («spirituales auctoritates a viris religiosis emere non exavit» [Denifle 1888: 348])²⁰, что позволило ему написать злобредную проповедь о Немо. Стефан даже сравнивает Радульфа с новозаветным Симоном Волхвом, также пожелавшим за деньги, предложенные апостолам Петру и Иоанну, овладеть умением оживлять мертвых. Данное обстоятельство автоматически исключает «Осуждение» Стефана из разряда так называемых *parodiae sacrae*, превращая его в прямую инвективу против хулителей Церкви, что в жаровом отношении заставляет нас отнести это сочинение к церковной апологетической литературе.

Источники

- Межеричская 2026 — Осуждение нечестивой проповеди, изданной Радульфом, о некоем Немо, еретике и злодее. Составлено Стефаном из монастыря Святого Георгия, христианской веры заступником / Пер. с лат. С. И. Межеричской // Франкфуртер Ф. История и сказание о Попе из Каленберга / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 2026. С. 246–258; примеч.: с. 444–464.
- Реутин 2026a — *Радульф*. [Проповедь о Немо] / Пер. с лат. М. Ю. Реутин // Франкфуртер Ф. История и сказание о Попе из Каленберга / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 2026. С. 238–243; примеч.: с. 444–464.
- Montaignon, Rothschild 1876 — Recueil de poésie françaises des XVe et XVIe siècles. Facétieuses, Historiques / Éd. de A. de Montaignon, J. de Rothschild. T. 11. Paris: P. Jannet, 1876.
- Wattenbach 1866 — Historia Nemini / Hrsg. von W. Wattenbach // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. Jg. 13. № 11. P. 361–367.

Литература

- Бахтин 1965 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965.
- Реутин 2026b — *Реутин М. Ю.* «Поп с Лысой горы»: Клирики-шуты в комической литературе средневековой Германии // Франкфуртер Ф. История и сказание о Попе из Каленберга / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 2026. С. 261–388.
- Bayless 1958 — *Bayless M.* Parody in the Middle Ages: The Latin tradition. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1958.
- Delle Donne 2008 — *Delle Donne F.* La satira e la dottrina nella curia del cardinale Benedetto Caetani: La “Reprobatio sermonis de Nemine” di Stefano di San Giorgio // Rivista di storia della Chiesa in Italia. Vol. 62. Num. 1. 2008. P. 3–24.
- Denifle 1888 — *Denifle H., P., O. P.* Ursprung der Historia des Nemo // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters. Bd. 4 / Hrsg. von H. Denifle, P., O. P., und F. Ehrle, S. J. Freiburg im Breisgau: Herder'sche Verlagshandlung; Wien: B. Herder, 1888. S. 330–348.
- Fricke 1998 — *Fricke H.* “Niemand wird lesen, was ich hier schreibe”: Über den Niemand in der Literatur. Göttingen: Wallstein, 1998.

²⁰ «Он не побоялся купить у людей религиозных духовные предписания» (лат.).

References

- Bakhtin, M. M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekovia i Renaissance* [The works of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. *Khudozhestvennaia literatura*. (In Russian).
- Bayless, M. (1958). *Parody in the Middle Ages: The Latin tradition*. Univ. of Michigan Press.
- Delle Donne, F. (2008). La satira e la dottrina nella curia del cardinale Benedetto Caetani: La “Reprobatio sermonis de Nemine” di Stefano di San Giorgio. *Rivista di storia della Chiesa in Italia*, 62(1), 3–24.
- Denifle, H., P., O. P. (1888). Ursprung der Historia des Nemo. In H. Denifle, P., O. P., & F. Ehrle, S. J. (Eds.). *Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters* (Vol. 4, pp. 330–348). Herder'sche Verlagshandlung; B. Herder.
- Fricke, H. (1998). “Niemand wird lesen, was ich hier schreibe”: *Über den Niemand in der Literatur*. Wallstein.
- Reutin, M. Yu. (2026). “Pop s Lysoi gory”: Kliriki-shuty v komicheskoj literature srednevekovoi Germanii [“The priest of Bald Mountain”: Cleric-Jesters in the comic literature of medieval Germany]. In F. Frankfurter. *Istoriia i skazanie o Pope iz Kalenberga* (M. Yu. Reutin, Ed.) (pp. 261–388). Nauchno-izdatel'skii tsentr “Ladomir”; Nauka. (In Russian).

Информация об авторе

Светлана Игоревна Межеричкая
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, отдел
Словаря М. В. Ломоносова, Институт
лингвистических исследований РАН
Россия, 199053, Санкт-Петербург,
Тучков пер., д. 9
mez1924@gmail.com

Information about the author

Svetlana Igorevna Mezheritskaya
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, M. V. Lomonosov
Dictionary Department, Institute
for Linguistic Studies of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 199053, Saint Petersburg,
Tuchkov Pereulok, 9
mez1924@gmail.com